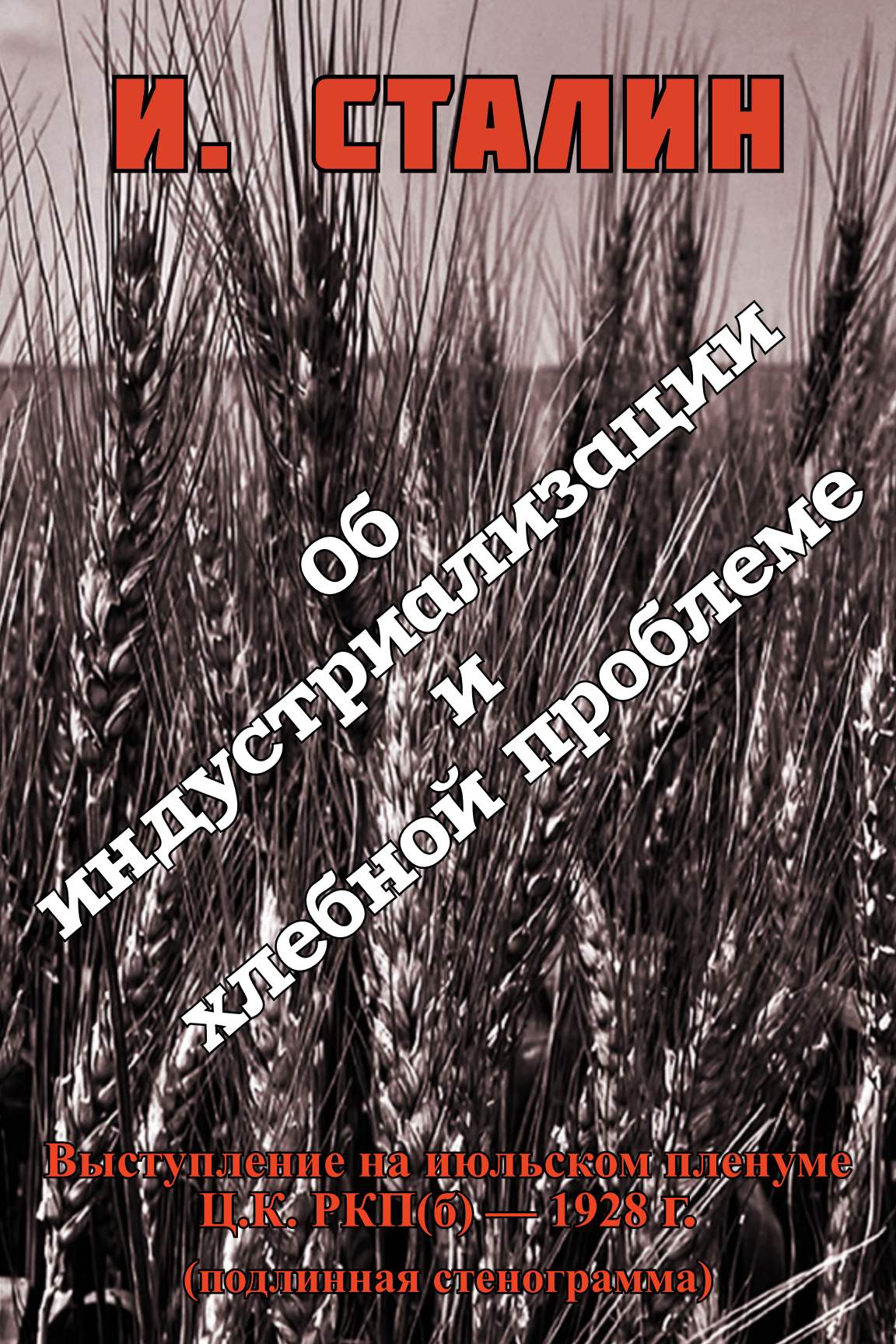

И. СТАЛИН

Об индустриализации и хлебной проблеме

**Выступление на июльском пленуме
Ц.К. РКП(б) — 1928 г.
(подлинная стенограмма)**

И. Сталин

Об индустриализации и хлебной проблеме:

Выступление на июльском пленуме

Ц.К. РКП(б) — 1928 г.

(подлинная стенограмма)

Тим Давенпорт (ред.)

1000 Flowers Publishing

Corvallis, Oregon, USA

2026

От редактора.

Фальсификация истории в Советском Союзе—от конца 1920-х годов до прихода к власти М. С. Горбачева—носила всеобъемлющий, одурманивающий и, в конечном счете, разрушительный характер. Вместо честного и свободного сбора разнообразных источников и дискуссий об их интерпретации, того, чего требует подлинная историческая наука, создавалось некое подобие монолитной государственной религии, призванной подкрепить политические притязания режима и укрепить положение его лидеров. Карьеры строились и продвигались благодаря послушанию и лояльности официальным историческим «линиям», тогда как инакомыслие вытеснялось в тень—или, в зависимости от эпохи, каралось еще суровее.

Одним из самых вопиющих и грубых искажений исторической правды стало издание «Сочинений» Сталина в послевоенный период: из запланированных семнадцати томов свет увидели лишь тринадцать. Неудобные речи и тексты демонстративно игнорировались, а их содержание фактически отправлялось в оруэлловскую «дыру памяти». Сам Сталин занимался редактированием текстов задним числом. Фрагменты опубликованных работ порой изымались без каких-либо пояснений. Повсеместно и предвзято удалялось обращение «товарищ» при упоминании лиц, попавших в опалу и уничтоженных в ходе непрекращавшегося террора спецслужб. Не предпринималось никаких серьезных попыток собрать для включения в издание неопубликованные тексты или архивные документы—за исключением разве что выборочной работы с ранними трудами на грузинском языке. Этот перечень недостатков, вероятно, не является исчерпывающим: специалистам-лингвистам еще предстоит

оценить, использовался ли сам перевод как инструмент в кампании по «стерилизации» истории и возвеличиванию вождя.

Короче говоря, издание «Сочинений» Сталина оказалось провальным во всех отношениях, кроме пропагандистского.

Публикуемая здесь речь—это первый скромный вклад в исправление искаженной исторической картины; текст взят из выдающегося пятитомного (в шести книгах) издания «Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание». Этот труд, подготовленный международным коллективом ведущих исследователей советской истории 1920–1930-х годов под руководством Виктора П. Данилова, Роберты Т. Мэннинг и Линн Виолы и выпущенный в Москве издательством РОССПЭН в 1999–2004 годах, является настоящим памятником исторической науки. В этом густом лесу архивных документов предстоит сделать еще немало открытий—и небольшая брошюра, которую вы сейчас читаете,—лишь одно из «деревьев» этого леса. Оформление и нумерация страниц были полностью заимствованы из первого тома первоисточника; приношу извинения, если это может показаться неуместным.

Исследователь сталинской эпохи Роберт Г. Макнил, который в своей полезной книге *Stalin's Works: An Annotated Bibliography*, (Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1967 г.) выявил часть (хотя и не все) редакторских искажений в текстах Сталина, не знал о купюрах, сделанных в речи от 9 июля 1928 года. Эта книга, пусть и ставшая библиографической редкостью, остается чрезвычайно полезной для тех, кто серьезно относится к литературному наследию Сталина. Хочется надеяться, что в ближайшем будущем будут предприняты новые усилия по составлению и публикации полного собрания сочинений Сталина. Мои друзья и соратники из Marxists Internet Archive (marxists.org) кажутся идеальными кандидатами для выполнения такой задачи. Посмотрим, что принесет будущее. А пока предлагаю вашему

вниманию первый документ с восстановленным текстом, относящийся к периоду кризиса, предшествовавшего объявлению той жестокой тотальной войны, которая вошла в историю как коллективизация. Литература по этой теме обширна и продолжает пополняться.

Читателям, интересующимся этим конкретным этапом советской истории, стоит обратить особое внимание на работу Джеймса Хьюза, *Stalin, Siberia, and the Crisis of the New Economic Policy*, (Cambridge University Press, 1991 г.) и, конечно же, на труды Э. Х. Карра и Р. У. Дэвиса *Foundations of a Planned Economy*, тома 1 и 2, (Macmillan, 1969–1971 гг.).

Данный цифровой файл, включая обложки и предисловие, переведен в общественное достояние и не имеет никаких ограничений на использование.

Тим Давенпорт

Корваллис, штат Орегон, США

Июль 2026 г.

From the Editor

The falsification of history in the Soviet Union from the late 1920s until the advent of M.S. Gorbachev was pervasive, stupefying, and ultimately destructive. Instead of the honest and free gathering of a multiplicity of sources and debate over their interpretation required by true historical scholarship, a sort of monolithic state-religion was created in an effort to bolster the political claims of the regime and the tenure of its leaders. Careers were made and advanced through obedience and loyalty to official historical “lines,” while dissident voices were cast into the shadows—or worse, depending upon the era.

One of the most egregious and crude distortions of historical honesty came with the publication of the *Stalin Works* in the post-World War II era, of which 13 volumes of a projected 17 ever appeared. Inconvenient speeches and writings were pointedly ignored, effectively filing their contents down the Orwellian “memory hole.” After-the-fact editing was engaged in by Stalin himself. Passages of those works which were published were sometimes excised without comment. After-the-fact deletion of the appellation “comrade” for those disgraced and murdered by the ongoing secret police terror was tendentiously made throughout. No serious effort was made to gather unpublished writings or archival documents for inclusion, save for a bit of picking around of ancient works in Georgian. This list of faults may not be exhaustive—those better versed in language are left to judge whether the translation itself was weaponized in the struggle for sanitization and deification.

The *Stalin Works* were and are, in short, a failure for everything save propaganda.

This is a first small contribution towards correction of the falsified historical record, a speech lifted from the outstanding five volume (six book) set, *Tragediia sovetskoi derevni: Kollektivizatsiia i raskulachivanie*. This work, edited by an international team of top scholars of the Soviet 1920s and 1930s, headed by Viktor P. Danilov, Roberta T. Manning, and Lynn Viola, and published in Moscow by ROSSPEN from 1999 to 2004, is a monument to historical science. There is much to be discovered in that lush forest of archival

documents—the small pamphlet you are reading now is one of the trees. The typography and page numbers were lifted straight from volume 1 of that source, with apologies if any are felt to be due.

Stalin scholar Robert H. McNeal, who caught some but not all of the editorial falsifications of the Stalin *Works* in his useful book, *Stalin's Works: An Annotated Bibliography* (Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, 1967), was not aware of the excisions made in this July 9, 1928, speech. This book, albeit a bibliographic rarity, remains extremely useful for those who take Stalin's literary output seriously.

It is earnestly hoped that a new effort is made in the near future to compile and make available Stalin's complete collected works. My friends and comrades at Marxists Internet Archive (marxists.org) would seem to be ideally suited for such a task. We shall see what the future brings.

In the interim, here is an initial corrected document from the period of crisis before the declaration of the brutal total war remembered to history as collectivization. The literature on the topic is copious and growing. Readers interested in this precise moment of Soviet are pointed in particular to the work of James Hughes, *Stalin, Siberia, and the Crisis of the New Economic Policy* (Cambridge University Press, 1991) and, of course, to E.H. Carr and R.W. Davies, *Foundations of a Planned Economy*, volumes 1 and 2 (Macmillan, 1969–71).

This digital file, including cover art and this introduction, is hereby released to the public domain without restriction.

Tim Davenport
Corvallis, Oregon, USA
July 2026

№ 117

Из выступлений И.В.Сталина на июльском пленуме ЦК ВКП(б)

Вечер, 9 июля 1928 г.

Председатель. Слово имеет т. Сталин^{1*}.

Сталин. Товарищи, раньше чем перейти к конкретному вопросу о наших затруднениях на хлебном фронте, разрешите коснуться некоторых общих вопросов, имеющих теоретический интерес и всплывших здесь во время прений на пленуме.

Прежде всего, общий вопрос о главных источниках развития нашей промышленности, о путях обеспечения нынешнего темпа развития промышленности. Этот вопрос вплотную задела, может быть, сами того не сознавая, т. Осинский и вслед за ним т. Сокольников. Вопрос этот является вопросом первостепенной важности. Я думаю, что главных источников, питающих нашу промышленность, имеется у нас два: во-первых, рабочий класс и, во-вторых, крестьянство. В капиталистических странах индустриализация обычно происходила, кроме внутреннего накопления, за счет ограбления чужих стран, за счет ограбления колоний или побежденных стран, или же за счет серьезных займов извне. Вы знаете, что Англия сотни лет собирала соки со всех колоний, со всех частей света и вносила, таким образом, добавочные вложения в

свою промышленность. Этим, между прочим, и объясняется, что Англия превратилась одно время в «фабрику мира». Вы знаете также, что Германия развила свою индустрию, между прочим, за счет пятимиллиардной контрибуции, взятой у Франции после франко-прусской войны. Известно также, что Америка развила свою промышленность за счет займов в Европе. Точно так же Германия восстанавливает теперь свою промышленность за счет займов, главным образом, в Америке. Наша страна тем, между прочим, и отличается от капиталистических стран, что она не может, не должна заниматься грабежом колоний и вообще ограблением чужих стран. Стало быть, этот путь для нас закрыт. Но наша страна не имеет также займов извне. Следовательно, закрыт для нас и этот путь. Что же остается в таком случае? Остается одно: развивать промышленность, индустриализировать страну за счет внутреннего накопления. При буржуазных порядках обычно промышленность, транспорт и т.д. развивались у нас за счет займов. Возьмете ли постройку новых заводов или переоборудование старых, возьмете ли проведение новых железных дорог или постройку больших электрических станций — ни одно из таких предприятий не обходилось без внешних займов. Совершенно иначе обстоит дело у нас при советских порядках. Мы проводим Туркестанскую железную дорогу в 1400 верст длиной, требующую более сотни миллионов. Мы строим Днепрострой, требующий также более сотни миллионов. Имеем ли мы здесь какой-либо заем? Нет, мы не имеем. Все это делается у нас за счет внутреннего накопления. Но где главные источники этого накопления? Их, этих источников, как я уже говорил, два: во-первых, рабочий класс, создающий ценности и двигающий вперед промышленность; во-вторых — крестьянство.

С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности — это во-первых, и недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе и крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии, обеспечить индустрию для всей страны, поднять дальше благосостояние деревни и потом уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти «ножницы» между городом и деревней. Дело это, что и говорить, неприятное. Но мы не были бы большевиками, если бы замазывали факт и закрывали глаза на то, что без этого добавочного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут.

Почему я об этом говорю? Потому, что Сокольников и Осинский не понимают, видимо, этой бесспорной вещи. Они построили свои речи на том, что крестьянство переплачивает на товарах, что абсолютно верно, и что крестьянству не доплачивают на ценах на с/х продукты, что также верно. Чего же требуют гг. Сокольников и Осинский? Они требуют того, чтобы были введены восстановительные цены на хлеб, чтобы эти «ножницы», эти недоплаты и переплаты были бы уничтожены теперь же. Но что значит уничтожение «ножниц», скажем, в этом году или в будущем году? Это значит затормозить индустриализацию страны, в том числе и индустриализацию сельского хозяйства, подорвать нашу еще неокрепшую молодую промышленность и ударить, таким образом, по всему народному хозяйству. Можем ли мы пойти на это? Ясно, что не можем. Нужно ли уничтожить «ножницы» между городом и деревней, все эти недоплаты и переплаты? Да, безусловно нужно уничтожить. Можем ли мы их уничтожить теперь же, не ослабляя нашу промышленность, а значит, и наше народное хозяйство? Нет, не можем. В чем же должна состо-

ять, в таком случае, наша политика? Она должна состоять в том, чтобы постепенно ослаблять эти «ножницы», сближать их из года в год, снижая цены на промышленные товары и подымая технику земледелия, что не может не повести к удешевлению производства хлеба, с тем, чтобы потом, через ряд лет, уничтожить вовсе этот добавочный налог на крестьянство. Может ли крестьянство выдержать эту тяжесть? Безусловно, может: во-первых, потому, что тяжесть эта будет ослабляться из года в год, во-вторых, потому, что взимание этого добавочного налога происходит не в условиях капиталистического развития, где массы крестьянства обречены на обнищание и эксплуатацию, а в условиях советских порядков, где эксплуатация крестьянства исключена со стороны социалистического государства и где выплата этого добавочного налога происходит в условиях непрерывного улучшения материального положения крестьянства.

Тов. Осинский спрашивал: чем же тогда отличается линия ЦК от линии оппозиции? Ответ здесь ясен: между линией ЦК и линией оппозиции лежит пропасть, что доказано всем ходом и исходом дискуссии с оппозицией. А вот что касается линии т. Осинского в этом вопросе, то она ничем, ровно ничем не отличается от линии оппозиции. Не следует забывать, что требование о немедленном введении восстановительных цен на хлеб является требованием оппозиции. Это факт, который странно было бы не признавать. Это может показаться невероятным, но это факт несомненный. Могут спросить: как можно совместить сверхиндустриализаторские глупости оппозиции с требованием введения восстановительных цен на хлеб? Да, верно, что их нельзя совместить логически. Однако они совмещались в платформе оппозиции. Дело в том, что у оппозиции имеются две души: одна крикливая, «лево-революционная», пытающаяся обличать ЦК в нежелании поддержать индустриализацию; другая — демагогическая, практически-оппортунистическая, имеющая своей целью пощекотать крестьян насчет необходимости введения восстановительных цен и поплыть по течению... Вот один из документов оппозиции, демонстрирующий наличие у них второй «крайне правой» души. Я имею в виду заявление Н.Муралова на заседании фракции IV съезда Советов СССР 23 апреля 1927 г.: «Хлебозаготовительная кампания должна расцениваться не только по количеству заготавливаемого хлеба и среднему годовому уровню цен, но и по соотношению этой кампании интересам смычки пролетариата с крестьянством. Политика хлебных цен должна удовлетворять следующим основным требованиям: во-первых, производитель должен получать за свой хлеб восстановительную цену; во-вторых, необходимо стремиться к тому, чтобы мало-мощные группы крестьянства получили бы одинаковую с зажиточными группами цену на хлеб».

Если иметь в виду, что заявление Муралова было подано от имени всей объединенной оппозиции, что это заявление было с полным единодушием отклонено большевистской фракцией съезда советов, как в корне расходящееся с линией нашей партии, то вы поймете, в какой просак попал здесь т. Осинский, а вслед за ним т. Сокольников.

Так обстоит дело с вопросом об основных источниках развития индустриализации нашей страны в данный момент.

Второй вопрос касается вопроса о смычке с середняком, вопроса о целях и средствах этой смычки. Я опять-таки должен коснуться выступления т. Осинского. У него выходит так, что смычка между городом и деревней, между рабочим классом и основными массами крестьянства проходит исключительно по линии текстиля, по линии удовлетворения личного потребления крестьянства. Верно ли это? Это совершенно неверно, товарищи. Конечно, удовлетворение личных потребностей крестьянства по линии текстиля имеет громадное значение. Мы с этого и начали строить смычку с крестьянством в новых усло-

виях. Но говорить на этом основании, что смычка по линии текстиля исчерпывает все дело, что смычка по линии личных потребностей крестьянства является исчерпывающей основой хозяйственного союза рабочего класса и крестьянства, — значит впадать в серьезнейшую ошибку. На самом деле смычка между городом и деревней проходит не только по линии удовлетворения личных потребностей крестьянства, не только по линии текстиля, но и по линии удовлетворения хозяйственных потребностей крестьянства как производителя сельскохозяйственных продуктов. Мы даем крестьянству не только ситец. Мы даем еще машины всякого рода, семена, плуги, удобрение и т.д., имеющие серьезнейшее значение в деле поднятия и социалистического преобразования крестьянского хозяйства. Смычка имеет, таким образом, своей основой не только текстиль, но и металл. Без этого смычка с крестьянством была бы непрочной. Об этом забывает т. Осинский.

Чем отличается смычка по текстилю от смычки по металлу? Тем, прежде всего, что смычка по текстилю касается, главным образом, личных потребностей крестьянства, не задевая или сравнительно мало задевая производственную сторону крестьянского хозяйства, тогда как смычка по металлу касается, главным образом, производственной стороны крестьянского хозяйства, улучшая это хозяйство, машинизируя его, подымая его рентабельность и подготавливая почву для объединения разрозненных крестьянских хозяйств в крупные общественные хозяйства.

Ошибочно было бы думать, что цель смычки состоит в сохранении классов, в частности, в сохранении класса крестьян. Это неверно, товарищи. Цель смычки состоит вовсе не в этом. Цель смычки состоит в том, чтобы сблизить крестьянство с рабочим классом, как с руководителем всего нашего развития, укрепить союз крестьянства с рабочим классом, как с руководящей силой этого союза, переделать постепенно крестьянство, его психологию, его производство в духе коллективизма и подготовить, таким образом, условия для уничтожения классов...

Как вообще можно переработать, переделать крестьянина, его психологию, его производство в духе сближения с психологией рабочего класса, в духе социалистического принципа производства? Что требуется для этого? Для этого требуется, прежде всего, широчайшая агитация среди крестьянских масс в духе коллективизма. Для этого требуется, во-вторых, насаждение кооперативной общественности и все более расширяющийся охват миллионов крестьянских хозяйств нашими снабженческо-сбытовыми кооперативными организациями. Не может быть никаких сомнений, что без широкого развития нашей кооперации мы не имели бы того перелома среди крестьян в пользу колхозного движения, которое мы наблюдаем в настоящее время, ибо развитие снабженческо-сбытовой кооперации в наших условиях есть подготовка перехода крестьянства к коллективизму. Но всего этого далеко еще недостаточно для переделки крестьянства. Основной силой в деле переделки крестьянина в духе социализма является новая техника в земледелии, машинизация земледелия, коллективный труд крестьянина, электрификация страны...

Третий вопрос касается вопроса о нэпе и о классовой борьбе в условиях нэпа. Необходимо прежде всего установить, что основы нэпа были даны нашей партией не после военного коммунизма, как утверждают иногда некоторые товарищи, а до него, еще в начале 1918 г., когда мы получили впервые возможность начать строить новую, социалистическую экономику. Я мог бы сослаться на известную брошюру Ильича «Об очередных задачах Советской власти», изданную в начале 1918 г., где изложены основы нэпа. Вводя по окончании интервенции нэп, партия квалифицировала ее как новую экономическую политику потому, что она, эта самая политика, была прервана интервенцией и мы получили возможность проводить ее только лишь после интер-

венции, после военного коммунизма, в сравнении с которым нэп был, действительно, новой экономической политикой.

Бухарин. Позабыв ее тогда на известное время.

Сталин. В подтверждение этого, я считаю нужным сослаться на известную резолюцию, принятую на IX съезде Советов, кажется, по докладу Ленина, где черным по белому сказано, что основы новой экономической политики были изложены еще до военного коммунизма.

Осинский. Я против этого не возражал.

Сталин. Возможно, что вы не возражали, но возражают другие.

Осинский. Я даже сам это говорил.

Сталин. Вы, может быть, разрешите все-таки привести цитату из этой резолюции. В этой резолюции, принятой на IX съезде советов в конце 1921 г., спустя почти год после объявления нэпа...^{2*}

Ворошилов. Это было в начале 1920 г.

Сталин. ...^{2*} Это было в конце 1921 г., в декабре, на IX съезде советов...

Ворошилов. Правильно, правильно!

Сталин. ...^{2*} в этой резолюции «О предварительных итогах новой экономической политики» сказано следующее: «Так называемая новая экономическая политика, основные начала которой были точно определены еще во время первой передышки, весной 1918 г., основывается на строгом учете экономических сил советской России. Осуществление этой политики, прерванное комбинированным нападением на рабоче-крестьянское государство контрреволюционных сил русских помещиков и буржуазии и европейского империализма, стало возможно лишь после военной ликвидации попыток контрреволюции, к началу 1921 г.» (см. «Постановления IX Всероссийского съезда советов», с. 16)^{3*}.

Вы видите, таким образом, до чего неправы некоторые товарищи, утверждающие, что партия осознала необходимость строительства социализма в условиях допущения рынка и вообще новой экономической политики будто бы лишь после военного коммунизма.

А что из этого следует? Из этого следует, прежде всего, то, что нельзя рассматривать нэп как только лишь отступление. Из этого следует, далее, что нэп предполагает победоносное и систематическое наступление социализма на капиталистические элементы нашего хозяйства. Оппозиция в лице Троцкого думает, что ежели введен нэп, то нам остается лишь одно — отступить шаг за шагом, как мы отступали в начале нэпа, «расширяя» нэп и сдавая позиции.

Бухарин. Пока не наступит «международная революция».

Сталин. Совершенно правильно — пока не наступит международная революция, которая избавит нас от дальнейших отступлений. На этом неправильном понимании нэпа и базируется утверждение Троцкого о том, что партия «расширила» будто бы нэп и отступила от позиции Ленина, введя в деревне аренду земли и наемный труд. Не угодно ли послушать слова Троцкого: «А что такое последние меры Советской власти в деревне — разрешение арендовать землю, нанимать рабочую силу — все, что мы называем расширением деревенского нэпа...^{2*} Но можно ли было не расширять нэп в деревне? Нет, потому что тогда захирело бы крестьянское хозяйство, сузился бы рынок, затормозилась бы промышленность» (см. «8 лет. Троцкий», с. 16—17)^{4*}. Вот до чего можно договориться, ежели забить себе в голову неправильную мысль о том, что нэп есть отступление, и только отступление.

Можно ли утверждать, что партия, введя в деревне наемный труд и аренду земли, «расширила» нэп, «отступила» от Ленина и т.д.? Конечно, нельзя! Люди, утверждающие такую глупость, не имеют ничего общего с Лениным и ленинизмом. Я мог бы здесь сослаться на известное письмо Ленина на имя т. Осинского от 1 апреля 1922 г., где он прямо говорит о необходимости приращения наемного труда и аренды земли в деревне. Это было в конце XI съез-

да, где широко обсуждался среди делегатов вопрос о работе в деревне, о нэпе и его последствиях...

Почему я об этом говорю? Потому, что люди, болтающие о «расширении» нэпа, ищут себе оправданий в этой болтовне для отступлений перед капиталистическими элементами в деревне. Потому, что у нас родились внутри партии и около партии люди, видящие в «расширении» нэпа «спасение» смычки рабочих и крестьян, требующие, ввиду снятия чрезвычайных мер, отказа от ограничения кулачества, требующие развязывания капиталистических элементов в деревне...^{2*} в интересах смычки. Потому, что против таких анти-пролетарских настроений необходимо застраховать партию всеми силами, всеми средствами.

Чтобы не идти далеко, сошлюсь на записку одного товарища, сотрудника «Бедноты», Осипа Чернова, где он требует целого ряда облегчений для кулачества, означающих не что иное, как действительное и неприкрашенное «расширение» нэпа. Я не знаю, коммунист ли он или беспартийный...

И вот этот товарищ, Осип Чернов, стоящий за Советскую власть и за союз рабочих с крестьянством, до того запутался в крестьянском вопросе, что его трудно отличить от идеолога деревенской буржуазии. В чем видит он причины наших затруднений на хлебном фронте? «Первая причина, — говорит он, — это безусловно система прогрессивно-подоходного налога...^{2*} Вторая причина — это правовые изменения перевыборочной инструкции, неясности в инструкции, кого считать кулаком». Что нужно сделать для того, чтобы устранить затруднения? «Необходимо, — говорит он, — первым делом отменить систему подоходно-прогрессивного налога, так, как она есть теперь, и заменить системой обложения по земле, слегка обложить рабочий скот и крупные сельскохозяйственные орудия...^{2*} Вторая мера, не менее важная, — это пересмотреть инструкцию по выборам, грубее сделать признаки, откуда начинается эксплуататорское, кулацкое хозяйство».

Вот оно — «расширение» нэпа. Как видите, семя, брошенное Троцким, не пропало даром. Неправильное понимание нэпа порождает болтовню о «расширении» нэпа, а болтовня о «расширении» нэпа создает всякого рода записки, статьи, письма и предложения о том, чтобы дать кулаку волю, избавить его от ограничений и дать ему возможность свободно обогащаться.

По этой же линии и по линии вопроса о нэпе и классовой борьбе в условиях нэпа, я хотел бы отметить еще один факт. Я имею в виду заявление т. Петровского о том, что классовая борьба в условиях нэпа в связи с хлебозаготовками имеет будто бы лишь третьестепенное значение, что она, эта самая классовая борьба, не имеет и не может иметь будто бы сколько-нибудь серьезного значения в деле наших затруднений по хлебозаготовкам. Я должен сказать, товарищи, что не могу никак согласиться с этим заявлением. Я думаю, что у нас нет и не может быть в условиях диктатуры пролетариата ни одного сколько-нибудь серьезного политического или экономического факта, который бы не отражал наличие классовой борьбы в городе или деревне. Разве нэп отменяет диктатуру пролетариата? Конечно, нет! Наоборот, нэп есть своеобразное выражение и орудие диктатуры пролетариата. А разве диктатура пролетариата не есть продолжение классовой борьбы?..

Конечно, наша политика не есть политика разжигания классовой борьбы. Почему? Потому что, коль скоро мы стоим у власти, коль скоро мы упрочили эту власть и командные высоты сосредоточены в руках рабочего класса, мы заинтересованы в том, чтобы классовая борьба не принимала формы гражданской войны и чтобы мы имели возможность продолжать в более или менее спокойной обстановке свою строительную работу. Но это еще не значит, что тем самым отменена классовая борьба или что она, эта самая классовая борьба-

ба, не будет обостряться. Это тем более не значит, что классовая борьба не есть решающая сила нашего продвижения вперед. Нет, не значит...

Но из всего этого вытекает, что по мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс крестьянства...

Четвертый вопрос касается проблемы чрезвычайных мер в отношении кулаков и спекулянтов. Нельзя рассматривать чрезвычайные меры как нечто абсолютное и раз навсегда данное. Чрезвычайные меры необходимы и целесообразны при известных, чрезвычайных, условиях, когда нет у нас в наличии других мер для маневрирования. Чрезвычайные меры не нужны и вредны при других условиях, когда мы имеем в наличии другие, гибкие меры для маневрирования на рынке. Неправы те, которые думают, что чрезвычайные меры плохи при всяких условиях. С такими людьми надо вести систематическую борьбу. Но неправы и те, которые думают, что чрезвычайные меры всегда необходимы и целесообразны. С такими людьми необходима решительная борьба.

Было ли ошибкой применение чрезвычайных мер в условиях хлебозаготовительного кризиса? Теперь все признают, что не было ошибкой, что, наоборот, чрезвычайные меры спасли страну от общехозяйственного кризиса. Что заставило нас применить эти меры? Дефицит в 128 млн пуд. хлеба к январю этого года, который мы должны были восполнить до распутицы и создать вместе с тем нормальный темп хлебозаготовок. Могли ли мы не идти на чрезвычайные меры при отсутствии хлебных резервов этак миллионов в 100 пудов для того, чтобы выждать и интервенировать рынок, или при отсутствии достаточных валютных резервов для того, чтобы ввезти из-за границы большие партии хлеба? Ясно, что не могли. А что было бы, если бы мы не восполнили этот дефицит? У нас был бы теперь серьезнейший кризис всего народного хозяйства, голод в городах, голод в армии. Если бы у нас был резерв хлеба миллионов в 100 пуд. для того, чтобы переждать и взять потом измором кулака, интервенируя рынок...^{2*}

Ворошилов. На будущее время обязательно нужно иметь резерв.

Сталин. ...^{2*}мы, конечно, не пошли бы на чрезвычайные меры. Но вы знаете хорошо, что у нас такого резерва не было. Если бы у нас был тогда валютный резерв миллионов в 100—150 р. для того, чтобы ввезти хлеб из-за границы, мы, пожалуй, не пошли бы на чрезвычайные меры. Но вы знаете хорошо, что у нас не было этого резерва. Я должен заявить, что не считаю позорным импорт хлеба при известных условиях нашей внешней торговли. Я могу вполне представить такую обстановку, при которой один сорт хлеба, одну культуру ввозим из-за границы, а другую вывозим и в балансе остаемся в выигрыше. (*Голос:* Правильно!) Но у нас не было этих резервов. И именно потому, что не было этих резервов, мы оказались вынужденными прибегнуть к чрезвычайным мерам. Едва ли можно отрицать, что без этих мер мы имели бы теперь серьезнейший кризис во всем народном хозяйстве. (*Голоса:* Правильно.) Значит ли это, что мы должны и впредь остаться без резерва и прибегнуть вновь к помощи чрезвычайных мер? Нет, не значит. Наоборот, мы должны принять все зависящие от нас меры для того, чтобы накопить резервы и исключить необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер. Люди, думающие превратить чрезвычайные меры в постоянный или длительный курс нашей партии, — опасные люди, ибо они играют с огнем и создают угрозу для смычки.

Не вытекает ли из этого, что мы должны раз навсегда отречься от применения чрезвычайных мер? Нет, не вытекает. Мы не имеем оснований утверждать, что не могут когда-либо повториться чрезвычайные условия, требующие применения чрезвычайных мер. Такое утверждение было бы пустым знахарством. Ленин, обосновавший новую экономическую политику, не считал, однако, возможным зарекаться в условиях нэпа даже от комбедовских методов при известных условиях и в известной обстановке. Тем более мы не можем зарекаться раз навсегда от применения чрезвычайных мер, которые не могут быть поставлены на одну доску с такой острой мерой борьбы с кулачеством, как комбедовские методы. Может быть, не лишне будет восстановить в памяти один эпизод с Преображенским на XI съезде нашей партии, имеющий прямое отношение к этому делу. Известно, что Преображенский в своих тезисах о работе в деревне на XI съезде попытался отклонить «раз навсегда» политику комбедовских методов борьбы с кулачеством в условиях нэпа. Преображенский писал в своих тезисах: «Политика непринятия этого (кулачества и зажиточного крестьянства) слоя и грубого внеэкономического подавления его комбедовскими способами 1918 г. была бы вреднейшей ошибкой» (параграф 2). Известно, что на это Ленин ответил следующим образом: «Вторая фраза второго параграфа (против "комбедовских способов") вредна и неверна, ибо война, например, *может принудить к комбедовским способам*. Об этом сказать надо совсем иначе, например, так: ввиду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов, *в данный момент* (курсив мой. — И.Ст.) политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена, главным образом, на ограничение его эксплуататорских стремлений и т.д. Как ограничивать эти стремления, как защищать бедноту должно и может наше государство, в этом вся суть. Это надо изучать и заставить изучать практически, а общие фразы пусты» (см. «Ленинский сборник» IV, с. 391).

Ясно, что чрезвычайные меры нужно рассматривать диалектически, ибо все зависит от условий времени и места...

В чем состоит основной смысл и основное значение наших затруднений на хлебном фронте? В том, что они ставят перед нами во весь рост проблему хлеба, хлебного производства, проблему сельского хозяйства вообще, проблему зернового производства в особенности.

Есть ли у нас вообще зерновая проблема, как актуальный вопрос? Безусловно есть. Только слепые могут сомневаться, что зерновая проблема бьет теперь во все поры советской общественности. Мы не можем жить, как цыгане, без хлебных резервов, без известных резервов на случай неурожая, без резервов для маневрирования на рынке, без резервов на случай войны, наконец, без некоторых резервов для экспорта. Даже мелкий крестьянин при всей скудости его хозяйства не обходится без резервов, без некоторых запасов. Разве не ясно, что великое государство, занимающее шестую часть суши, не может обойтись без хлебных резервов, для внутреннего и внешнего маневрирования?

Допустим, что не было бы у нас гибели озимых посевов на Украине и мы кончили бы хлебозаготовительный год «так на так», — можно ли считать, что этого было бы для нас достаточно? Нет, нельзя. Мы не можем впредь жить «так на так». Мы должны иметь в своем распоряжении известный минимум резервов, если мы хотим отстоять позиции Советской власти по линии внутренней так же, как по линии внешней.

Во-первых, мы не гарантированы от военного нападения. Думаете ли вы, что можно оборонять страну, не имея никаких резервов хлеба для армии? Тов. Рыков был совершенно прав, когда он говорил, что нынешний крестьянин уже не тот, каким он был лет шесть назад, когда он боялся потерять землю в пользу помещика. Помещика крестьянин уже забывает. Теперь он

требует новых, более хороших условий жизни. Можем ли мы в случае нападения врагов вести войну и с поляками на фронте, и с мужиками в тылу ради экстренного получения хлеба для армии? Нет, не можем и не должны. Чтобы оборонять страну, мы должны иметь известные запасы для снабжения армии, хотя бы на первые шесть месяцев. Для чего необходимы эти шесть месяцев передышки? Для того, чтобы дать крестьянину очухаться, освоиться с опасностями войны, разобраться в событиях и подтянуться ради общего дела обороны страны...^{2*}

Во-вторых, мы не гарантированы от осложнений на хлебном рынке. Нам безусловно необходим хлебный резерв для интервенции в дела хлебного рынка, для проведения нашей политики цен. Ибо мы не можем и не должны каждый раз прибегать к чрезвычайным мерам. Но у нас не будет никогда таких резервов, если мы будем ходить каждый раз по краю оврага, довольствуясь тем, что имеем возможность кончить заготовительный год «так на так».

В-третьих, мы не гарантированы от неурожая. Нам абсолютно необходим известный резерв хлеба для того, чтобы обеспечить в случае неурожая голодные районы, хотя бы в известной мере, хотя бы на известный срок. Но мы не будем иметь такого резерва, если мы не увеличим производство товарного хлеба и не откажемся круто и решительно от старой привычки жить без запасов.

Наконец, нам абсолютно необходим резерв для экспорта хлеба, нам нужно ввозить оборудование для индустрии. Нам нужно ввозить сельскохозяйственные машины, тракторы, запасные части к ним. Но сделать это нет возможности без вывоза хлеба, без того, чтобы накопить известные валютные резервы за счет экспорта хлеба. В довоенное время вывозили от 500 до 600 млн пудов хлеба ежегодно. Вывозили так много потому, что сами недоедали. Это совершенно верно. Но надо понять, что все же в довоенное время товарного хлеба было у нас вдвое больше, чем теперь. И именно потому, что мы имеем теперь товарного хлеба вдвое меньше, — именно поэтому хлеб выпадает теперь из экспорта. А что значит выпадение хлеба из экспорта? Это значит потеря того источника, при помощи которого ввозились у нас и должны ввозиться оборудование для промышленности, тракторы и машины для сельского хозяйства. Можно ли жить так дальше, не накапливая хлебных резервов для экспорта? Нет, нельзя.

Вот до чего не обеспечено и неустойчиво состояние наших хлебных резервов.

Я уже не говорю о том, что у нас нет не только хлебных резервов по всем этим четырем линиям, но у нас не хватает также известного минимума запасов для того, чтобы безболезненно перейти от одного заготовительного года к другому заготовительному году и снабжать бесперебойно города в такие трудные месяцы, как июнь — июль.

Можно ли после этого отрицать остроту зерновой проблемы и серьезность наших затруднений на хлебном фронте?

Но в связи с хлебными затруднениями у нас возникли также затруднения политического характера. Об этом нельзя ни в коем случае забывать, товарищи. Я имею в виду то недовольство среди известной части крестьянства, среди известной части бедноты, так же, как и середняков, которое имело место у нас и которое создало известную угрозу смычке. Конечно, было бы совершенно неправильно сказать, что у нас есть уже размычка, как говорил об этом т. Осинский или как говорил в известной своей записке т. Фрумкин^{5*}. Это неверно, товарищи. Размычка — дело серьезное. Размычка — это начало гражданской войны, если не сама гражданская война. Не надо пугать себя «страшными» словами. Не надо предаваться панике. Это недостойно большевиков. Размычка — это значит разрыв крестьянства с Советской властью. Но если

крестьянин действительно порвал с Советской властью, являющейся основным заготовителем крестьянского хлеба, он уже не будет расширять вам посевов, — ни в коем случае! А между тем мы видим, что яровой клин расширился во всех без исключения хлебных районах. Какая же это размычка? Разве можно назвать такое состояние «бесперспективностью» крестьянского хозяйства, как говорит об этом, например, т. Фрумкин? Какая же это бесперспективность?

В чем состоит основа наших хлебных затруднений, если иметь в виду длительные и основные причины затруднений, а не временные, конъюнктурные причины?

Основа наших хлебных затруднений состоит в прогрессирующей распыленности и раздробленности сельского хозяйства. Это факт, что сельское хозяйство мельчает, особенно зерновое хозяйство, становясь все менее рентабельным и малотоварным. Ежели мы имели до революции около 15—16 млн крестьянских хозяйств, то теперь мы имеем их до 24—25 млн, причем процесс дробления имеет тенденцию к дальнейшему усилению. Это факт, что мы имеем теперь посевы, немногим уступающие размерам посевов в довоенное время, а производство хлеба всего каких-нибудь на 5% меньше довоенного производства, тогда как производство товарного хлеба отстает у нас от довоенного производства вдвое, т.е. процентов на 50. Отчего это происходит? Оттого, что мелкое хозяйство менее рентабельно, менее товарно, менее устойчиво, чем крупное хозяйство. Известное положение марксизма о том, что мелкое производство менее выгодно, чем крупное, сохраняет за собой полную силу и в сельском хозяйстве. На этом именно и зиждется сила и экономическое значение кулацкого хозяйства в деревне.

Где выход из положения?

Выходов у нас три, как говорит об этом резолюция Политбюро^{6*}.

1. Выход состоит в том, чтобы поднять производительность мелкого и среднего крестьянского хозяйства, заменить соху плугом, дать машину мелкого и среднего типа, дать удобрение, снабдить семенами, дать агрономическую помощь, кооперировать крестьянство, заключать контракты с целыми селами, сдавая им в суду лучшие семена и обеспечивая, таким образом, коллективное кредитование крестьянства, наконец, давать им напрокат крупные машины через прокатные пункты.

Не прав т. Карпинский, утверждая, что мелкое крестьянское хозяйство исчерпало возможности своего дальнейшего развития и что, стало быть, не стоит дальше помогать ему. Это совершенно неверно. Возможностей развития имеется у индивидуального крестьянского хозяйства еще не мало. Надо только уметь помогать ему и развивать эти возможности максимально.

Не права также «Красная газета», утверждая, как сообщил мне об этом т. Бухарин, что план кооперирования индивидуальных крестьянских хозяйств по линии сбыта и снабжения не оправдал себя. Это совершенно неверно, товарищи. Наоборот, план кооперирования по линии снабжения и сбыта целиком оправдал себя, создав реальную базу для перелома среди крестьянства в сторону колхозного движения. Несомненно, что без развития снабженческо-сбытовых коопераций мы не имели бы того перелома в отношениях крестьянства к колхозам, какой имеем теперь и который помогает нам вести дальше колхозное строительство.

2. Выход состоит, далее, в том, чтобы помочь бедноте и середнякам объединять постепенно свои разрозненные мелкие хозяйства в крупные коллективные хозяйства на базе новой техники и коллективного труда, как более выгодные и товарные. Я имею в виду все формы объединения мелких хозяйств в крупные, общественные, от простых товариществ до артелей и коммун, яв-

ляющихся несравненно более товарными и производительными, чем разрозненные мелкие крестьянские хозяйства.

Не прав т. Милютин, когда он, ратуя за колхозы, обвиняет товарищей в «реабилитации» мелкого крестьянского хозяйства. Тов. Милютин, очевидно, думает, что отношения коллектива к индивидуальному крестьянскому хозяйству должны быть отношениями борьбы и уничтожения, а не отношениями помощи и подтягивания к себе. Это совершенно неверно, товарищи. Индивидуальное крестьянское хозяйство вовсе не нуждается в «реабилитации». Оно мало рентабельно, это верно. Но это еще не значит, что оно совершенно невыгодно. Мы разрушили бы смычку, если бы стали на точку зрения борьбы и уничтожения индивидуального крестьянского хозяйства, сойдя с ленинской позиции повседневной помощи и поддержки со стороны коллективов индивидуальным крестьянским хозяйствам.

Еще более не прав т. Сокольников, когда он, восхваляя колхозы, объявляет индивидуальное крестьянское хозяйство нашим «проклятием». Это пахнет уже прямой войной с крестьянским хозяйством. Откуда это взялось у т. Сокольникова? Если крестьянское хозяйство является «проклятием», то как объяснить союз рабочего класса с основными массами крестьянства? Союз рабочего класса с «проклятием» — разве бывают на свете такие несообразности? Как можно говорить такие вещи, проповедуя вместе с тем смычку? Тов. Сокольников вспомнил слова Ленина о том, что нам нужно постепенно пересаживаться с крестьянской клячи на стального коня промышленности. Это очень хорошо. Но разве так пересаживаются с одного коня на другого? Объявить крестьянское хозяйство «проклятием», не создав широкой и мощной базы в виде разветвленной сети коллективов, — не значит ли это остаться без всякой базы? (*Голоса: Правильно, правильно!*) Ошибка т. Сокольникова состоит в том, что он противопоставляет коллективы индивидуальным крестьянским хозяйствам. Ну, а мы хотим, чтобы эти две формы хозяйства не противопоставлялись друг другу, а смыкались друг с другом, чтобы в этой смычке коллектив оказывал помощь индивидуальному крестьянину и помогал ему помаленьку переходить на рельсы коллективизма. Мы хотим, чтобы на колхозы крестьянство смотрело не как на своего врага, а как на своего друга, который помогает ему и поможет ему освободиться от нищеты...

3. Выход состоит, наконец, в том, чтобы укрепить старые совхозы и поднять новые, как наиболее рентабельные и товарные хозяйственные единицы.

Таковы три основные задачи, выполнение которых дает нам возможность разрешить зерновую проблему и ликвидировать, таким образом, самую основу наших затруднений на хлебном фронте.

Особенность текущего момента состоит в том, что первая задача по поднятию индивидуального крестьянского хозяйства, являющаяся все еще главной задачей нашей работы, стала уже недостаточной для разрешения зерновой проблемы. Особенность текущего момента состоит в том, чтобы первую задачу дополнить практически двумя новыми задачами по поднятию колхозов и поднятию совхозов. Без сочетания этих задач, без настойчивой работы по всем этим трем каналам невозможно разрешить зерновую проблему ни в смысле снабжения страны товарным хлебом, ни в смысле преобразования всего нашего народного хозяйства на началах социализма...

А теперь позвольте перейти к вопросу о временных конъюнктурных затруднениях, превративших наши хлебные трудности в заготовительный кризис.

В резолюции сказано об этих причинах достаточно ярко. Перечислены четыре главные причины: нарушение рыночного равновесия, ошибки планового руководства, недостаток заготовительного и партийно-советского аппарата и использование затруднений капиталистическими элементами в деревне (кула-

ками и спекулянтами). Так как обо всем этом говорилось здесь достаточно много, то я думаю, что не стоит дальше распространяться об этих причинах.

Я хотел бы сказать несколько слов по поводу замечания т. Петровского. Я беру пункт первый резолюции насчет нарушения рыночного равновесия и насчет того, что деревня вообще, зажиточные и кулацкие слои деревни в особенности, подняли свою доходность, повысили спрос на товары и на этой основе создали нарушение равновесия между спросом на товары и их предложением. Тов. Петровский не хочет признать правильность этого определения. Он говорит: как же так, с одной стороны, сказано, что деревня подняла доходность, с другой стороны, говорится в резолюции, что крестьянское хозяйство является наиболее отсталым, — здесь, дескать, имеется противоречие. Я думаю, что здесь нет никакого противоречия. Дело в том, что в пункте, говорящем о поднятии доходности деревни, доходность этого года сравнивается с доходностью предыдущих годов, причем несомненно, что доходность деревни в этом году действительно поднялась, ввиду хотя бы трех лет урожая. Если бы это было неправильно, тогда нечего было увеличивать сельхозналог, нечего было порождать горячку насчет самообложения и т.д. Что касается другого пункта резолюции, то там говорится о чрезмерной отсталости сельского хозяйства в смысле темпа его развития в сравнении с промышленностью, что опять-таки верно, ибо несомненно, что темп развития сельского хозяйства действительно чрезмерно отстает от темпа развития нашей индустрии. Ясно, что тут нет никакого противоречия. Поэтому оба эти пункта резолюции нужно считать правильными.

Я думаю, что к числу временных причин, вызывающих затруднения на хлебном фронте, надо добавить еще одну причину, а именно — перерасход хлеба, неправильное расходование хлеба органами нашего снабжения...^{2*}

Поэтому необходимо внести в резолюцию соответствующий пункт о перерасходе хлеба. О том, что нужно предпринять меры, исключющие необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер, — об этом я уже говорил, ввиду чего и не стоит здесь распространяться.

Я хотел бы только остановиться на трех вопросах чисто практического характера, отмеченных здесь во время прений товарищами из хлебных районов. Во-первых, надо признать, что во время хлебозаготовительной кампании наши парторганизации слишком высунулись вперед, оттеснив назад советские и кооперативные организации, а иногда даже заменяя их собой. (*Голос:* Ничего нельзя было сделать иначе.) Я это понимаю и говорю об этом не с целью обвинить кого бы то ни было. Это явление было вызвано тем обстоятельством, что слишком трудно было раскатать наши заготовительные организации, ввиду чего и появилась необходимость максимального контроля со стороны парторганизаций. (*Голос:* И директива была больно грозная^{7*}.) Директива была действительно грозная, так как парторганизации тоже медленно раскачивались, между тем как положение с хлебом создавалось грозное и медлить дальше нельзя было. Как бы то ни было, надо иметь в виду, что парторганизации не должны впредь заменять собой кооперативно-советских организаций. (*Голос:* Верно.) Надо запомнить раз навсегда, что руководство со стороны парторганизаций — это одно, а оттирание на задний план советско-кооперативных организаций — это совершенно другое. Первое абсолютно необходимо. Второе недопустимо и вредно. Первое не должно превращаться во второе ни в коем случае, ни при каких условиях. В противном случае мы можем загубить дело нашего строительства.

Во-вторых, вопрос о гарнцевом сборе. Я думаю, что т. Шеболдаев поставил здесь серьезнейший практический вопрос о гарнцевом сборе. Дело обстоит так, что около миллиарда пудов хлеба крестьянин перемалывает на мельницах для своих личных потребностей. Хлеб этот перемалывается отчасти на ветряных мельницах, отчасти — говорят, около половины всей этой суммы — на

наших государственных и кооперативных мельницах. Платят обычно за перемол три или пять фунтов с пуда натурой. Это составляет для кооперативных и государственных мельниц около 50 млн пуд. хлеба, если не больше. Куда девается этот хлеб? Нельзя ли установить строжайший контроль над тем, чтобы этот хлеб поступал в общий фонд наших заготовительных организаций? (Микоян: Правильно!) Надо помнить, что 50 млн пуд. хлеба представляют совершенно обеспеченный и бесспорный фонд, который следовало бы иметь в виду при составлении наших резервов. (Микоян: Можно и должно. Голос: Сейчас взяли в работу.) В-третьих, вопрос об общественных магазинах, поставленный здесь т. Медведевым. Было бы в высшей степени целесообразно завести такие магазины, где можно было бы накопить известный минимум запасов для обслуживания бедноты и маломощных середняков в наиболее трудные месяцы заготовительного года.

Я кончаю, товарищи. Я думаю, что хлебные затруднения не пройдут для нас даром. Наша партия училась и продвигалась вперед, преодолевая трудности и всякого рода кризисы. Я думаю, что нынешние трудности закалят наши большевистские ряды и заставят их вплотную взяться за разрешение хлебной проблемы. А разрешить эту проблему значит снять с дороги одну из самых больших трудностей, стоящих на пути к социалистическому преобразованию нашей страны.

^{1*} Речь И.В.Сталина на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля была опубликована в сочинениях в сокращенном и исправленном виде (см.: Сталин И.В. Соч. Т. 11. М., 1949. С. 157—187). Поэтому в сборнике воспроизводится большая часть текста по стенограмме. Сокращения текста, отмеченные отточием, произведены в случае полного совпадения текстов в обоих названных источниках, если при этом содержание текста не имеет существенного значения, а также в случае характерных повторов.

^{2*} Отточие документа.

^{3*} См.: Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 225.

^{4*} См.: Троцкий Л.Д. Восемь лет. Итоги и перспективы. Речь на торжественном заседании в Кисловодске, посвященном 8-й годовщине Октябрьской революции 8 ноября 1925 г. М.—Л., 1926.

^{5*} См. док. № 110.

^{6*} См.: КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4. С. 348—354.

**1000 FLOWERS PUBLISHING
CORVALLIS, OREGON, USA**

This file is released to the public domain without restriction.